

Андрей Родин

Об условности истины и локальности блага

1. постановка проблемы

Вещи и события могут быть хорошими или плохими, но не могут быть истинными или ложными. Истинными или ложными могут быть высказывания о вещах и событиях, которые называют **утверждениями**, например, *дважды два четыре*. Возникает вопрос: какие высказывания являются утверждениями? Один из возможных ответов, восходящий к Аристотелю, состоит в том, что всякое утверждение явно или неявно имеет форму **суждения**: *А есть В*. *Дважды два четыре* тогда нужно читать как *дважды два **есть** четыре* (а *дважды два равно четыре* – как *дважды два **есть** равняющееся четырем*). Характер языковой процедуры такого "перевода", имеющей своей целью выявить нечто, называемое "логической формой высказывания", остается проблематичным. Очевидный факт состоящий в том, что при такого рода процедуре нормы одного языка (греческого) переносятся на другие языки (в частности, русский), ставят под сомнение ее законность: непонятно, почему если греческое выражение *Σοκράτος μουσικός ἐστίν* мы переводим на русский как *Сократ образован*, то мы непременно "подразумеваем" глагол *есть* на месте греческого *ἐστίν*, и почему калька с греческого *Сократ есть образованный* лучше эксплицирует "логическую форму", чем исходная фраза, соответствующая русской разговорной норме? Подобные сомнения относительно законности процедуры экспликации логической формы возникают и внутри одного языка, когда экспликация логической формы состоит в преобразовании одних грамматических форм выражения в другие, например *Сократ бежит* в *Сократ есть бегущий*. Поставленные вопросы не являются риторическими: обоснование особого статуса глагола *быть* вообще и, в частности, формы настоящего

времени глагола *быть* в положении связки суждения является одной из задач философской онтологии. Не ставя себе целью прямую критику онтологического (1) понимания утверждения, мы пытаемся развить альтернативный подход, который может быть назван *топологическим*. Мы приведем также некоторые аргументы в пользу того, что топологический подход является более основательным, чем онтологический, и некоторые указания на то, каким образом онтологический подход может быть интерпретирован в рамках топологического.

2. утверждение: моментальное и вечное

Утверждения могут быть двух типов: одни имеют смысл только здесь и теперь, в момент высказывания (и, соответственно, их истинность определяется только здесь и теперь), тогда как смысл (и истинность) других не зависит от обстоятельств высказывания. Примером высказывания первого типа будет: *мне больно*; второго типа: *дважды два четыре*. Будем называть утверждения первого типа *моментальными*, а утверждения второго типа – *вечными*. Заметим, что это разделение не совпадает с аристотелевским разделением утверждений на случайные и необходимые. Так, утверждение *в Москве 28 января 1988 года шел снег* будет вечным и случайным, а утверждение *я=я* моментальным и необходимым. Приведенные выше примеры моментального и вечного утверждения были также примерами моментального случайного и вечного необходимого утверждений. Таким образом, оказываются возможными любые сочетания признаков случайности, необходимости, моментальности и вечности. В связи с разделением утверждений на моментальные и вечные усматриваются два обстоятельства: 1) указанное разделение можно провести уже на уровне отдельных слов, входящих в утверждение: смысл некоторых слов (например, *сейчас, я, этот*) определяется в зависимости от обстоятельств

момента их употребления и, вообще говоря, меняется от одного случая употребления к другому, тогда как смысл других слов (например, *два*, *карандаш*) не зависит от конкретного случая употребления и остается одним и тем же при всяком употреблении. Будем также называть слова первого типа моментальными, а второго типа – вечными. Тогда можно утверждать, что всякое утверждение, содержащее хотя бы одно моментальное слово, будет моментальным и только утверждения, не содержащие моментальных слов, будут вечными (2); 2) Всякое положение вещей (всякий факт), выраженное моментальным утверждением, может быть выражено также и вечным утверждением и наоборот. Например, моментальное утверждение (А) *мне больно* может быть выражено утверждением (В) *Андрей Родин 28 января 1998 года в 15 часов 26 минут по московскому времени испытывал боль* (мы опускаем для краткости уточнения, необходимые для того, чтобы не перепутать меня с другим Андреем Родиным; см. ниже замечание по поводу омонимии собственных имен). Разумеется, критерий того, что оба утверждения относятся к одному и тому же положению вещей является не формальным, а содержательным: второе утверждение относится к тому же положению вещей, что и утверждение *мне больно*, только если *мне больно* сказал Андрей Родин 28 января 1998 года в 15 часов 26 минут по московскому времени. Можно, тем не менее, формально проанализировать, каким образом здесь происходит переход от моментального утверждения А к вечному утверждению В. Этот переход осуществляется в три шага: (1) на место моментального слова *мне* подставляется вечное выражение *Андрей Родин* (плюс необходимые уточнения); (2) предполагается, что в утверждении *мне больно* пропущено указание на момент времени *сейчас* (*мне сейчас больно*), (3) моментальное слово *сейчас* заменяется на вечное выражение *28 января 1998 года в 15 часов 26 минут по московскому времени*. При этом возникает сложность, связанная с точностью

определения *сейчас*. С одной стороны, понятно, что эта точность должна быть порядка времени высказывания: так, в данном случае замена *сейчас* на *28 января 1998 года* будет недостаточной для того, чтобы А и В указывали на одно и то же положение вещей, поскольку Андрей Родин мог испытывать боль 28 января утром, а говорить *мне больно* вечером, когда, возможно, он уже не испытывал никакой боли. С другой стороны, это не решает проблему в принципе, поскольку *сейчас* оказывается не соизмеримым ни с каким временным интервалом, подобно тому как геометрическая точка не соизмерима ни с каким отрезком, и поэтому есть все основания усомниться в осмысленности предположения о том, что утверждение *мне больно* предполагает момент *сейчас*, мыслимый как предел ряда сужающихся вложенных друг в друга временных интервалов.

Описанная процедура не всегда является обратимой: перейти подобным образом от вечных утверждений к моментальным в общем случае невозможно. Причина этого станет понятной, если привести частный случай, когда такой переход все-таки возможен. Слова *Андрей Родин* (плюс уточнения) я в любом утверждении могу заменить на *я*, но этого не может сделать никто кроме меня. Только в моих устах такая замена будет адекватной в том отношении, что полученное в результате такой замены новое утверждение будет указывать на то же положение вещей, что и исходное. Однако всяким человеком и во всякое время для всякого утверждения А, которое этот человек высказывает (как моментального, так и вечного), может быть построено моментальное утверждение *я утверждаю, что А*, относящееся к тому же положению вещей, что и утверждение А. Кроме того, подобным образом могут быть высказаны моментальные утверждения уже не сводимые к А: я считаю неверным, что А; я сомневаюсь, что А; давайте предположим, что А (пропозициональные установки).

После этих замечаний мы видим, что говоря о моментальном и вечном **типах** утверждений, мы удваиваем сущности и говорим независимо об утверждениях и положениях вещей (фактах). Чтобы избежать этого, мы теперь несколько поменяем терминологию и будем говорить о моментальной и вечной **форме выражения** утверждений. Можно теперь сказать, что всякое утверждение из моментальной формы всегда может быть переведено в вечную и наоборот. Как мы видели в примерах, моментальных и вечных форм у одного и того же утверждения может быть много. Более того, легко искусственно построить процедуру неограниченного наращивания числа таких форм, например, рассматривая утверждения вида *A истинно*, "*A истинно истинно*" и т.д. Как разобраться в этом множестве форм утверждения? Обычный способ анализа, как мы уже говорили, состоит в том, что какая-то из этих форм объявляется по некоторым соображениям основной и ставится задача сведения всех других форм к этой основной. Отказываясь от такого способа систематизации, мы тем не менее не отказываемся от самой идеи перевода одних форм выражения в другие. Ведь именно возможность такого перевода позволяет отнести различные и имеющие различную форму выражения к одному и тому же утверждению. Этот перевод будет нас, однако, интересовать не с точки зрения возможности сведения различных форм выражения утверждения к одной стандартной, а с точки зрения своих собственных характеристик. Как и при онтологическом подходе мы пытаемся выделить некоторые инварианты преобразования одних форм в другие, но во-первых, мы не берем в качестве такого инварианта одну из преобразуемых форм, а во-вторых, претендуем скорее на описание ситуации, нежели на выделение некоей "формы форм" – логической формы утверждения, подчиняющую любые его грамматические и риторические формы. Это не значит, что мы претендуем на меньшую основательность

по сравнению с логическим и онтологическим анализом, а значит, что ситуация является более фундаментальным понятием, чем форма.

Итак, рассмотрим, каким образом соотносятся между собой моментальная и вечная форма одного и того же утверждения. Во-первых, можно сказать, что моментальная форма утверждения распознается именно как форма утверждения только если выражение может быть переформулировано в вечной форме. Например, не имея в виду, возможности переформулировать А в В, выражение А можно было бы принять не за утверждение, а за крик о помощи. То есть только возможность переформулирования А в В позволяет говорить об А как об утверждении. Пусть нужно выяснить, солгал ли я или сказал правду, произнеся слова "мне больно". Тогда это утверждение будет вынесено на суд в вечной форме В, а не в моментальной форме А. Вряд ли можно было бы назвать А утверждением, если вопрос об истинности А не мог бы быть поставлен. Во-вторых, всякое утверждение непременно здесь и теперь утверждается, отрицается, подвергается сомнению и т.д. То, что утверждалось или будет утверждаться где-то и когда-то не является утверждением в собственном смысле слова, поскольку ему не может быть приписана истинность или ложность. Возьмем, например, выражение *Андрей вчера говорил, что ему было больно*. С помощью этого выражения я здесь и теперь утверждаю нечто по поводу того, что вчера говорил Андрей (утверждение С). Содержание вчерашней речи Андрея я также могу сделать предметом утверждения, но для этого мне уже надо принять ответственность за вчерашнее высказывание Андрея на себя здесь и теперь: (я утверждаю, что) Андрею вчера было больно (утверждение D). Я могу теперь сослаться на вчерашнюю речь Андрея как на **аргумент** в пользу того, что я прав, что Андрею действительно вчера было больно: (я утверждаю, что) Андрею вчера было больно, поскольку он

говорил, что ему больно. Поскольку имеет место (вероятно, что) С, есть основания считать, что D. Вообще, всякое вечное (имеющее вечную форму) утверждение А распознается как утверждение только при условии, что оно может быть переформулировано в форме моментального утверждения: я утверждаю (сомневаюсь, предполагаю и т.д.), что А. (3) Вообще, всякое вечное утверждение распознается как утверждение только при условии возможности его переформулировки (перевода в утверждение, имеющее иную форму, но относящееся к тому же самому положению вещей) в **моментальную** форму Р, что А, где Р это некоторая пропозициональная установка. Если утверждение В никто не утверждает, не отрицает, не ставит под сомнение, не предполагает, в него не верит, в нем не убежден, не считает его вероятным, достоверным, возможным, невозможным и т.д. и т.п., его придется считать не утверждением, а безответственной выдумкой, примером фразы на русском языке, фразой, произнесенной в бреду, беспамятстве, случайно возникшей на экране компьютера в результате каких-то непреднамеренных действий или чем-то еще в этом роде. Подчеркнем, что в последнем случае дело не в том, что выражение В не соответствует действительному положению вещей и поэтому ложно, но дело в том, что В не соответствует действительному положению вещей в том смысле, что это соответствие вообще не проверяется, и вопрос об истинности В вообще не ставится.

Таким образом, мы видим, что вопрос о переходе утверждения из моментальной формы в вечную и обратно носит отнюдь не частный характер, поскольку этот двухсторонний переход необходимо присущ всякому утверждению. *Дважды два четыре* это утверждение постольку, поскольку оно может быть переформулировано в моментальной форме *я утверждаю, что дважды два четыре* и обратно. Можно утверждать, что:

выражение А является утверждением только тогда, когда оно допускает две формулировки, одна из которых является вечной, а другая моментальной. (i)

Это условие является необходимым, но, конечно, не достаточным. Например, если моментальное выражение здесь и теперь описать в вечных терминах в абсолютных пространственно-временных координатах, то мы будем иметь моментальную и вечную формы одного и того же выражения, относящегося к одному и тому же положению вещей (точнее, к одному и тому же месту и времени), но, очевидно, не будем иметь никакого утверждения. Похоже, что класс выражений, который удовлетворяет условию (i) включает не только утверждения, но и другие элементы **знания** и **только** их. Ниже мы попытаемся обосновать это предположение указаниями на то, что именно это условие является не только необходимым, но и достаточным для взгляда *sub specie aeternitatis*, который определяет знание и отличает его от локальных практик. Теперь же мы рассмотрим структуру перехода от моментальных утверждений к вечным и обратно более подробно.

3. гипотеза: индивидуальное и всеобщее

Рассмотрим выражение Г вида *предположим, что А*, где А – некоторое утверждение. Утверждение А в этой формулировке называется условной гипотезой. Слова *предположим, что...* предлагают слушателю нечто совершить здесь и теперь – принять предположение А, то есть рассуждать дальше **как если бы** А было истинным утверждением. Следуя этому указанию, выражение Г нужно считать моментальным. Однако, обратим внимание на то, что Г на самом деле не предполагает здесь и теперь реакции слушателя. В отличие от любого практического договора, который предполагает согласование интересов

договаривающихся сторон, гипотеза вида Г **в принципе** не может быть отвергнута. Нелепо на формулировку евклидова постулата предположим, что две геометрические точки всегда можно соединить отрезком ответить отказом принять это предположение: такой отказ означал бы отказ от геометрии как таковой и даже вообще от всякого знания. Это вовсе не значит ни того, что **только** указанное предположение имеет право на существование, ни того, что, это предположение непременно должно приниматься во всяком рассуждении или, хотя бы, только в геометрическом рассуждении. Пожалуйста, Вы можете попытаться построить геометрию, в котором данный постулат не предполагается совсем или предполагается ложным, но если Вы не понимаете, что такое гипотеза и, в частности, того, что с гипотезами не надо спорить, Вы вообще не можете рассуждать научно. Таким образом, гипотеза оказывается актом индивидуального произвола, который по правилам научного рассуждения не должен встречать никакого противодействия со стороны любого слушателя, и потому сразу приобретает всеобщее значение. Моментальная просьба оказывается вечным утверждением, имеющим статус условной гипотезы. В отличие от практического договора, который всегда ограничен по месту и времени сообществом договаривающихся, и потому локален, гипотеза безоговорочно принимается здесь и теперь всяким рассуждающим где бы и когда бы это ни происходило. Но с другой стороны, принятие условной гипотезы, в отличие от заключения практического договора, не имеет необратимых последствий. Хотя гипотеза может иметь *необходимые* следствия, всегда остается возможность в новом рассуждении отказаться от этой гипотезы. Легкость принятия гипотезы обусловлена именно тем, что она ни к чему не обязывает необратимо: по поводу любой гипотезы можно сказать "а почему бы и нет?". Таким образом, условность и всеобщность гипотезы с одной стороны и безусловность и локальность практического

договора как бы уравнивают друг друга: локальность практического договора оказывается "платой" за его безусловность, а условность гипотезы – "платой" за ее всеобщность.

Условная гипотеза, выдвигаемая индивидом здесь и теперь оказывается вечно и всеобще приемлемой. Другими словами, условная гипотеза это то, что везде и всегда всякий индивид может принять здесь и теперь.

Возможна единственная ситуация, когда условная гипотеза может быть не принята – если эта гипотеза противоречива. Впрочем, если считать, что всякое утверждение непротиворечиво (противоречивым может быть не утверждение, а выражение, неправильно кем-то принимаемое за утверждение), то гипотеза противоречивой быть тоже не может. Если все же говорить о противоречивых утверждениях и гипотезах, то все равно такие гипотезы будут отвергаться только всеобщим образом, но не кем-то когда-то приниматься, а кем-то когда-то отвергаться, подобно практическим договорам. Можно, конечно, возразить, что само установление противоречивости или непротиворечивости выражения является сложной задачей и может не приводить к консенсусу. Так, например, вопрос о непротиворечивости рассуждений о бесконечно больших и бесконечно малых величинах в математике до сих пор остается дискуссионным. Тем не менее можно сказать, что само понятие гипотезы предполагает возможность ее неограниченного принятия даже если это противоречит фактическому положению дел.

4. знание и практика

Основанное на условных гипотезах дедуктивное знание сохраняет такую же структуру соотношения индивидуального и всеобщего, моментального и вечного как и отдельная гипотеза: теоретическое рассуждение всеобще и вечно, поскольку всякий

индивид может воспроизвести его здесь и теперь. Если взглянуть на структуру геометрических теорем в "Началах" Евклида и принять во внимание анализ этой структуры, который предлагает Прокл в своем комментарии к "Началам", переход моментальных индивидуальных моментов в вечные всеобщие и обратно представится совершенно отчетливо. Сначала Евклид формулирует в вечной форме утверждение, которое он собирается доказать (πρoтaσισ). Затем вводит собственные обозначения (εκθeσισ) – это уже индивидуальная и моментальная часть рассуждения, поскольку, разумеется, другим рассуждающим индивидом могут быть приняты другие обозначения. Кроме того, здесь можно говорить о выделении посредством собственных имен "индивидуальных геометрических фигур": если, например, сначала речь шла о треугольнике как об общем понятии, о треугольнике вообще, то теперь речь будет идти о треугольнике ABC. Затем доказываемое утверждение повторяется еще раз, но уже с учетом принятых обозначений: если сначала нечто утверждалось о треугольнике вообще, то теперь – о треугольнике ABC (διoρισμοσ). Кроме применения индивидуальных обозначений Евклид обычно пользуется здесь тем общим способом перехода от вечной формы утверждения к моментальной, о котором мы говорили выше: "я утверждаю, что ..." (λεγω δη, οτι ...). Далее следует (дополнительное) построение (κατασκευη) и собственно доказательство (αποδειξισ), в которых участвуют индивидуальные геометрические фигуры и которые поэтому выражаются моментальными утверждениями. Наконец, то, что доказано для индивидуальной фигуры, например, треугольника ABC, переносится без ограничений на общее понятие этой фигуры (например, на треугольник вообще, если ABC – это просто некоторый произвольный треугольник) и таким образом восстанавливается вечная форма утверждения (συμπερασμα). (4)

Условность гипотезы и основанного на гипотезах теоретического знания тесно связана с категорией возможного. Гипотезы именно потому с легкостью принимаются и обратно отвергаются, что они относятся к возможным, а не действительным положениям вещей. Принятие гипотезы это возможный, а не действительный договор, договор, от которого всегда можно при желании отказаться, если у него обнаружатся нежелательные последствия. Всякое теоретическое знание в этом смысле является некоторой сложной возможностью, силой (по Бэкону), подразумевающей применение в будущих действительных практических событиях.

Такого рода противопоставление имеет место, например, уже для "практической" древнеегипетской математики: одно дело заранее производить вычисления на папирусе, другое – пользоваться вычислениями при строительстве пирамиды. Древнеегипетская математика не является дедуктивной, но строится на гипотезах в том широком смысле, что рассматривает гипотетические ситуации: *Пусть...* Вычисления определяют различные возможности строительства, некоторые из которых реализуются практически, подтверждая *post factum* правильность проведенных расчетов. Можно ли, однако, говорить в данном случае не только о правильных и неправильных расчетах, но и об истинных и ложных результатах расчетов? Этот вопрос является решающим. Поскольку расчеты позволяют заранее планировать строительство и рассуждать о том, сколько материала и рабочей силы необходимо, чтобы построить такую-то пирамиду и т.д., они образуют поле возможного. Вопрос в том, является ли это поле возможного всеобщим или привязанным к локальной ситуации, например, к египетской традиции строительства пирамид. В любом случае расчет не может относиться только к конкретному действию, ибо иначе он не позволял бы ничего предсказывать и планировать, а был бы просто одним из

элементов этого самого действия, однако он может оставаться относительно локализованным в ряду конкретных событий. Расчет становится знанием только тогда, когда он делокализован, когда отношение расчета к строительству пирамиды становится отношением чистого **применения** того, что *известно* и без этого применения. Именно здесь четко противопоставляется знание как обладание возможным и практика осуществления возможного: проблема знания истины и проблема практического блага. Гипотетическое теоретическое знание здесь и теперь предваряет будущие практические события, давая сейчас как возможное то, с чем в будущем придется иметь дело в действительности.

Сказанное противоречит тому понятию о теории, которое предполагает отказ от применения знания на практике. Однако если теория отказывается от соотнесения с практикой, она перестает быть родом знания, к которому приложимы предикаты истинности, а становится философией. Поэтому чистое теоретическое знание, например, чистая математика, как заметил еще Платон, является промежуточным звеном между прикладным знанием, ориентированным на практику и философией. Отказаться от соотношения с практикой для знания означает: не соотносится в качестве возможности с иной, практической действительностью, а открыть собственную, теоретическую действительность. Собственной действительностью знания (любого знания) является создание нового знания: поэтому теоретическое знание ориентировано на развитие, на открытие нового. Кроме того, процедура подтверждения знания (доказательства в широком смысле), которая для практически ориентированного знания имеет вспомогательный характер – подтвердить знание нужно затем, чтобы истину не перепутать с ложью – в чистом теоретическом знании выходит на первый план. Заметим, что о теоретическом рассуждении уже нельзя сказать истинное оно или ложное –

можно сказать только правильное оно или неправильное. Теоретическое рассуждение является "частично действительным" событием, частично реализующим возможности того знания, которое это рассуждение должно обосновать. В этом и состоит обосновывающая сила рассуждения. Действительность теоретического рассуждения остается частичной постольку, поскольку в нем всегда остается доля условности и гипотетичности, благодаря которой теоретическое рассуждение может быть почти таким же всеобщим (везде и всегда воспроизводимым всяким индивидом здесь и теперь), как и простое утверждение. Безусловный действительный момент теоретического рассуждения – это **понимание**, которое оказывается не всеобщим и не строго индивидуальным, а локальным, зависящим от языка и других локальных обстоятельств коммуникативной ситуации **объяснения**. В структуре геометрической теоремы момент понимания связан с построением (*κατασκευη*) и располагается в середине рассуждения так, что сначала о нем идет речь как о будущем (первые три элемента теоремы, в которых определяется, что именно нужно доказать), а затем как о прошлом (последние два элемента теоремы). Подчеркнем, что доказательство в собственном смысле слова (*αποδειξις*) уже предполагает действительность понимания и служит только его "объективации", приданию ему всеобщего характера.

Таким образом, мы видим, что противопоставление теории и практики может быть понято по крайней мере в двух смыслах, которые необходимо строго различать. Во-первых, это противопоставление знания как возможности практической реализации этого знания в действительности. Это противопоставление значимо для любого знания и в первую очередь для прикладного, практически ориентированного знания. С появлением теоретического знания, не ориентированного на практику применения, это первое

противопоставление размывается и постепенно теряет силу. Вместо него возникает противопоставление теории и практики как разных действительностей или, если угодно, разных аспектов одной и той же действительности. **Теоретическое** противопоставлена практической жизни не как возможность действительности, но как иной способ жизни, как иная позиция и ситуация. Платон говорит, что "только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю свою жизнь" может понять философию (341c). Однако ни к "теоретической жизни", ни к философии в целом предикаты истинности, конечно, неприменимы. Истина играет свою роль и в теории, и в философии, но в не меньшей степени – в практике, в частности, в праве и в политике.

5. теория и история

Выше мы говорили о таком типе знания, которое дает здесь и теперь возможность для будущего действия. Этот тип знания со всеми сделанными выше оговорками можно назвать **теоретическим**. Однако знание может "отодвигать" действительность не только в будущее, но и в прошлое. Это второй основной тип знания – знания о событиях прошлого – который мы будем называть **историческим**.

Как и теоретическое знание, историческое знание является гипотетическим. Однако критерий приемлемости гипотез отличаются в этих двух случаях. Если для теории приемлемы любые непротиворечивые гипотезы, то исторические гипотезы должны быть кроме того правдоподобны. Мы никогда не знаем наверняка, но только догадываемся, что происходило **на самом деле**. Поэтому можно сказать, что в истории гипотезы играют даже более существенную роль, чем в теории: если в теории гипотеза это вполне произвольное предположение, за истинность которого теоретик не несет никакой ответственности, то историческая гипотеза это догадка о

реальном положении вещей, которая строится на основании различных косвенных свидетельств.

В геометрических теоремах, как мы видели, помимо собственно теоретической конструкции имеется исторический момент, связанный с анализом последствий события понимания в доказательстве: именно этот момент позволяет говорить о "математических фактах" подобно тому, как мы говорим о фактах истории. Эмпирическое экспериментальное знание более последовательно совмещает в себе как теоретический, так и исторический аспекты, поскольку такое знание, с одной стороны, указывает на прошлые экспериментальные события, а с другой стороны, предвосхищает будущие события воспроизведения эксперимента и практического применения. Впрочем, это касается и всякого сугубо "практического" знания, которое, с одной стороны, основано на опыте предшествующей практической деятельности, а с другой стороны, открывает возможности для новой практики. Поэтому о теоретическом и историческом стоит говорить скорее не как о различных типах знаний, а как о двух существенных аспектах всякого знания: теоретический аспект знания связан с откладыванием действительных событий в будущее, а исторический – в прошлое. Это различие кроме эпистемологического имеет и этическое значение: по отношению к знанию историческое событие прошлого и практическое событие будущего различаются как необратимый факт и свободный поступок. Историческое событие прошлого, даже если оно произошло по воле людей, сейчас необратимо; мы можем только с большей и меньшей степенью вероятности утверждать, что имело место то или иное событие, но не можем изменить того, что уже произошло. Практическое событие будущего, напротив, есть предмет свободного выбора среди тех возможностей, которые дает теория: мы знаем как построить пирамиду, значит можем ее построить, но можем ведь и не

строить. Если все-таки решим строить, то все равно останется определить где и когда строить. Соответственно понятие *блага* по отношению к историческим и практическим событиям имеет различные значения. Историческое событие прошлого может быть названо *благим, хорошим*, в материальном смысле *благоприятности, выгоды*. Хорошо, что во время каникул была хорошая погода. Практическое событие будущего может быть, напротив, названо *хорошим* в нравственном смысле *хорошего поступка*. Будет хорошо (я поступлю хорошо), если я закончу эту статью в срок, как обещал. Разумеется, можно также говорить о своих и чужих прошлых поступках как о хороших и дурных в нравственном смысле и, с другой стороны, говорить о возможных будущих событиях как о благоприятных или не благоприятных, то есть хороших и плохих в материальном смысле. Однако, совершенно очевидно, что в этих случаях имеет место перенос прошлого в будущее и наоборот. Говорить о каком-либо прошлом поступке как о нравственно хорошем или нравственно дурном имеет смысл только для того, чтобы совершать или не совершать подобные поступки в будущем. Вне перспективы открытого будущего понятие нравственности вообще теряет смысл. С другой стороны, говорить о возможных будущих событиях как о материально хороших или материально плохих имеет смысл только затем, чтобы хорошие события действительно произошли, а плохие не произошли, то есть чтобы **результаты** хороших событий были налицо, а следовательно сами эти события – в прошлом. Рассмотрим с этой точки зрения этическую стратегию, которая состоит в том, чтобы (1) никого (в том числе и себя) не осуждать за совершенные поступки и (2) не искать выгоды. В свете нашего рассмотрения эта стратегия состоит в том, чтобы не допускать указанных переносов прошлого в будущее и будущего в прошлое.

Подведем некоторые предварительные выводы.

1) **Истина** относится к теоретическим и эмпирическим (историческим) гипотетическим (условным) утверждениям, которые предполагают индивидуальную моментальную и всеобщую вечную формы, а также возможность перехода от одной формы к другой. Вместе эти формы образуют временную форму настоящего (форму **присутствия**).

2) **Благо** относится к действительным событиям и всегда остается локальным – отложенным **куда-то** в прошлое или будущее.

Всякая истина всеобща (утопична) и условна, а всякое благо безусловно (абсолютно) и локально.

Таким образом, истина и благо исключают друг друга, в том смысле, что не могут относиться к одному и тому субъекту: не существует ничего такого, что могло бы быть одновременно истинным и хорошим. Отсюда следует, что во-первых, истину нельзя рассматривать как благо, а во-вторых, нельзя усматривать благо в каких-либо истинах.

3) По отношению к истинным утверждениям (фактам) различается материальное и нравственное благо, природа и свобода. Материальное благо приписывается прошлым историческим событиям, соответствующим историческим знаниям, а нравственное благо приписывается будущим практическим событиям (поступкам), соответствующим теоретическим знаниям.

6. утопия и местность: здесь и теперь, там и тогда

В начале статьи мы противопоставили вещи и события высказываниям о вещах и событиях: к первым мы отнесли благо, а к последним – истину. Однако, неверно, что только высказывание **сказывается**, а вещи и события молчат. Ведь произносимые слова это тоже вещи, они **реальны**. События тем более могут включать в себя какие-то речи, таковы, в частности, любые события человеческой истории. Более того, если не говорить о событиях как о фактах, то всякая речь о

событию будет ничем иным, как эффектом этого самого события. Поэтому **всякое** событие, о котором идет речь как о событии, включает в себя эту речь, и таким образом, имеет речевой аспект. Когда мы говорили выше о чистой теории и философии, мы уже сталкивались с ситуацией, когда высказывание превращается из некоторой возможности для практической реализации в собственную действительность. Поэтому, конечно, неверно, что благо может относиться только к молчащему, а истина к сказываемому: и политическая речь, и стихотворение могут быть хорошими или плохими. Однако речь как действительное событие, в отличие от речи как возможности действительного события, как мы показали, должна быть локальна (местна). Отсюда возникает задача описания характеристик локальности речи. Чтобы указать на такие характеристики, вернемся сначала к уже найденным характеристикам не локальной, а всеобщей утверждающей речи, а именно ее моментальности и вечности.

Понятие о *здесь и теперь* при ближайшем рассмотрении расщепляется на пару различных понятий. С одной стороны, *всякое* *здесь и теперь* указывает на конкретное место и конкретное время, а именно на место и время говорения "*здесь и теперь*" (*здесь и теперь* говорения), то есть на **такое-то** место и время. С другой стороны, поскольку *всякое* место может быть при определенных обстоятельствах (в определенном контексте) обозначено как **здесь** и *всякое* время как **теперь**, то взятые сами по себе *здесь и теперь* не указывают ни на какое определенное место и время, а только на место и время вообще. Так *всякое* истинное суждение, с одной стороны, всеобще, вечно и не связано ни с какими локальными особенностями *здесь и теперь* говорения (в частности, с языком), то есть **утопично**, а с другой стороны, *всякий* раз воспроизводится моментально и индивидуально именно *здесь и теперь* без всякой оглядки на там и тогда. Получается, что

здесь и теперь одновременно указывает на конкретное место и момент времени, и одновременно наоборот отвлекает от всякого конкретного места и времени. Эти два аспекта мы и называли выше соответственно моментальным и вечным. Такие шифтерные (меняющие свой денотат) автореферентные (указывающие на момент речи) (5) слова как *здесь*, *теперь* или *я* показывают точный механизм соотношения моментального и вечного. Каждое из этих слов, во-первых, локально указывает на некоторый момент (место, индивид), а во-вторых, на некоторую всеобщую категорию (пространство, время, личность вообще). Такая же структура частично сохраняется у собственных имен: так имя Андрей, с одной стороны, указывает на конкретного индивида, а с другой стороны, поскольку оно приложимо к любому мужчине, указывает вообще на мужчину (в соответствии с греческим корнем этого имени). Этим объясняется удивительный лингвистический факт омонимии собственных имен, который состоит в том, что совпадение имен разных людей, живущих рядом, которое, очевидно, может иметь практические неудобства, тем не менее является правилом, а не исключением (6).

Итак, моментальное и вечное, индивидуальное и всеобщее оказываются разными аспектами одной структуры, которую можно назвать **утопией**. (Лингвистически эта структура связана с использованием шифтеров.) Эту структуру мы противопоставляем структуре локальности или **местности**. Напомним, что различие этих структур существенно для различия истины и блага: истина, согласно нашему рассуждению, возникает в рамках утопии, а благо – на местности. Другим различителем структур утопии и местности является пара событие/факт: факт (положение вещей) принадлежит утопии, а событие – местности (7).

Нужно понять, что структура местности не дается описанием обстоятельств события: указывая где, когда и при каких

обстоятельствах имело место данное событие, мы, очевидно, не получим ничего, кроме еще одного исторического факта. Если же теоретически исследовать все возможные пространственные и временные обстоятельства гипотетических событий, то мы получим новые теоретические факты, относящиеся к будущим практическим событиям. То есть таким образом мы ни на шаг не отходим от утопии. Именно говорение здесь и теперь, расставляющее все по своим местам, (в точке А с координатами x , y , в момент времени t) характеризует абсолютную точку зрения, взгляд *sub specie aeternitatis*.

Чтобы выйти из утопии, нужно заметить утопическую предпосылку, которая состоит в том, что *здесь и теперь* нечто обозначает вне соотнесения с парными словами – там и тогда. Только при этом условии *здесь и теперь* становится абсолютной точкой отсчета, по отношению к которой там оказывается всегда некоторым там-то, а тогда – некоторым тогда-то. Аналогичным образом, только считая, что это имеет смысл безотносительно к тому, можно то всегда считать тем-то; только считая, что я имею смысл безотносительно к тебе, ей и ему, можно считать тебя, ее, его, (а также и себя) всегда некоторым имяреком.

Всякий факт (положение вещей) основан на отношениях вида: *здесь и там-то, теперь и тогда-то, это и то-то, я и такая-то (я и такой-то)*. *Где-то, когда-то, нечто и какая-то (какой-то)* вступают в игру как вопросительные, неопределенные корреляты для там-то, тогда-то и такая-то (такой-то) и указывают на гипотетический характер этих последних, то есть на неопределенное откладывание действительности. Но из знания фактов совершенно выпадают: *там, тогда, то, ты, она, он, оно*. (Забвение тебя в утопии, на которое чаще всего указывают как на проблему диалога, представляет собой частный вопрос по отношению к проблеме местности в целом. Кроме того, можно указать форму знания, в

которой ты не выпадаешь: это знание-рецепт: чтобы достичь того-то делай то-то. Поэтому можно даже сказать, что он и она в утопии забыты основательнее тебя.)

Там и тогда являются неопределенными, но неопределенными в другом смысле, нежели здесь, теперь, там-то и тогда-то. Здесь, теперь, там-то и тогда-то неопределенны только как всеобщие формы определенности. Всякое здесь и теперь становится конкретно определенным, когда о них говорится не абстрактно, как я это делаю здесь **и теперь**, а когда ими выражается конкретное присутствие как это только что имело место (**там**, где ... и *тогда*, когда мы говорили об абстрактном здесь и теперь). Там-то и тогда-то вообще являются чем-то вроде математических переменных величин, предполагающих множество возможных конкретных значений, например, в *Москве в 1998 году*. В обоих случаях определенность соотносится с неопределенностью через подстановку конкретного значения в общую форму. Говоря *здесь и теперь* здесь и теперь, я **употребляю** это выражение так, что оно приобретает конкретное значение и указывает на конкретную ситуацию. Аналогичным образом *в Москве в 1998 году* подставляется в форму *тогда-то там-то*. Конечно, между двумя этими случаями есть разница, состоящая в том, что в случае *здесь и теперь* одно и то же выражение может иметь как абстрактное общее, так и конкретное значение, тогда как *тогда-то* и *там-то* имеет только абстрактное, а в *Москве в 1998 году* только конкретное значение. Поэтому в *Москве в 1998 году* имеет единственное значение, а *здесь и теперь* может иметь разные значения; конкретное значение *здесь и теперь* зависит от того где и когда происходит высказывание. Если я нахожусь в *Москве* и дело происходит в *1998 году* то *здесь и теперь* означает *в Москве в 1998 году*. Однако никакая такого рода характеристика не исчерпывает *здесь и теперь* *полностью*, поскольку всегда можно предположить уточняющие

обстоятельства, например, в январе 1998 года в Москве на Волхонке. Здесь и теперь в своем конкретном значении оказывается точкой пространственно-временного континуума – пределом сходящегося ряда все более точных определений места и времени. Несмотря на то, что этот ряд бесконечен, его сходимости позволяет оборвать его так, чтобы говорить о месте и времени с заданной точностью. Таким образом здесь и теперь, с одной стороны, и тогда-то и там-то, с другой стороны, задают два плана, необходимые для всякого знания – план познаваемой здесь и теперь трансцендентной реальности и план всегда только приблизительной имманентной реперзентации этой реальности, распределенной по всевозможным там-то и тогда-то.

О там и тогда говорят иначе. Там и тогда, конечно, так же как и здесь и теперь предполагает потенциально бесконечный ряд определений, который, однако, **не сходится ни к какому пределу**. Новые обстоятельства, которые становятся известными про там и тогда, не выделяют индивид, а, наоборот, вводят в игру новые индивиды и задают новые связи:

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели ...

(В.Хлебников)

..... тогда,
Когда трубач отбой сыграет,
Когда трубу к губам приблизит
И острый локоть ответит ...

(Б.Окуджава)

Такое разворачивание там и тогда вовсе не является особенностью только поэтической речи. Желая указать на

какое-то там и тогда своей жизни, мы также будем привлекать все новые и новые обстоятельства, которые в совокупности не только не указывают на точку, но и не ограничивают какой-то конечный регион (окрестность) вокруг этой точки. Поэтому в случае описания там и тогда не приходится говорить о точности и приблизительности этого описания. Только поняв там как там-то и тогда как когда-то и привязав их к здесь и теперь, то есть поняв события, которые случились там и тогда как факты, которые имели место там-то и тогда-то, можно говорить о точности и приблизительности сообщения об этих фактах. А также о том, что некоторый рассказ истинен, поскольку соответствует фактам или ложен, поскольку не соответствует фактам. Там и тогда локализуются не факты, а события. События невозможно локализовать ни здесь и теперь, ни вообще в каком-то ограниченном регионе, поскольку, с одной стороны, в одном и том же месте и в одно и то же время могут происходить различные события, например, смерть Цезаря и убийство Цезаря, и наоборот, одно и то же событие, например, наводнение, в принципе не может быть строго привязано к конкретной территории и к конкретному промежутку времени: хотя можно с любой заданной точностью установить что в каждый момент времени происходило в каждой точке земной поверхности, всякие территориальные и временные рамки наводнения будут условными, поскольку различные эффекты **одного и того же** события могут отстоять друг от друга во времени и пространстве сколь угодно далеко. Так, испытываемый мной стыд является эффектом грехопадения прародителей и поэтому является частью этого события. [\(8\)](#)

Сказанное не значит, что благо всегда там и тогда, "где нас нет", но значит только, что сходящийся к здесь и теперь ряд "уточнений" представляет собой особого рода объект, существующий рядом с расходящимся в там и тогда рядом "эффектов". О сходимости мы говорим здесь в математическом

смысле: ряд уточнений для здесь сходится, если каждая новая уточненная область локализации события лежит внутри предыдущей: например, Россия, Москва, Волхонка ... Таким образом, оказывается, что всякое здесь и теперь утверждение предполагает **топологическую** структуру вложенных друг в друга мест, на каждое из которых может быть указано как на здесь. Поэтому можно сказать, что структура местности предшествует структуре утопии таким же образом, как в математике топологическая структура предшествует метрической, позволяющей ввести общую "единицу длины". Отсюда также следует, что говоря о структуре утопии, мы не должны подразумевать негацию, отмену структуры местности. Утопия делает местность только "незаметной", но не отменяет ее. Наоборот, отменяя утопию, выходя из области утверждений, мы обнаруживаем местность, подобно тому как в математике, чтобы обнаружить топологическую структуру, нужно отбросить метрическую и рассматривать, скажем, круг и квадрат как один и тот же объект.

Аристотелевскую структуру суждения *А есть В* также можно рассмотреть с топологической точки зрения. Во-первых, заметим, что высказывание *А есть В* является вложением *А* в *В* наподобие того, как вкладываются друг в друга географические места, например, Москва и Россия: *А* есть некоторый подрегион региона *В*. (Это обстоятельство используется для графической иллюстрации соотношения понятий «по объему»). Во-вторых, связка *есть* в данном случае выполняет роль, аналогичную слову *здесь* при указании на место: *есть* можно употребить вместе с любым логическим субъектом и таким образом образовать утверждение, например, *А есть*, и вместе с тем, всякий раз можно уточнять, что же именно *есть*. Высказывание *А есть* имеет такую же топологическую структуру, как и *здесь*, в *России*: в обоих случаях один из элементов высказывания является моментальным, а другой вечным. Высказывание *А есть*

В имеет такую же топологическую структуру, как и высказывание *здесь, в России, в Москве*: в обоих случаях имеется во-первых моментальный элемент, а во-вторых система вложенных вечных элементов. В последнем случае задано не только соотношение моментального и вечного, но и парадигма ряда вечных определений ("уточнений"), сходящегося к настоящему моменту.

Таким образом, между прочим, решается старая логическая проблема экзистенциального и предикативного употребления глагола *есть*. Именно потому, что *есть* может ставиться в экзистенциальной позиции с любым субъектом утверждения (образуя истинное или ложное, но всегда осмысленное утверждение вида *А есть*), *есть* может играть и роль связки в суждении: в обоих случаях строится необходимая для утверждения структура утопии (соотношение моментального и вечного), но в последнем случае она еще дополняется структурой *уточнения*.

Можно возразить, что *здесь, в России, в Москве* это не утверждение постольку, поскольку в этом выражении ничего не утверждается, никакое положение вещей. Хочется спросить: **что** же произошло *здесь, в России, в Москве?* и получить **что-то** в ответ: произошло **это**. Однако совсем немного изменив грамматическую форму выражения, например: *здесь Москва, Россия* ему уже можно придать содержательный смысл, не предполагая пропущенную связку *есть*, поскольку топологически она уже не нужна: ее роль выполняет указательное местоимение *здесь*. С этой же точки зрения сразу объясняется использование в русском языке в качестве связки суждения указательного местоимения *это* в выражениях вроде *Сократ это человек*: в первом приближении топологическая структура выражений вида *А это В* такая же как и у выражений вида *А есть В* (см. выше), хотя, не исключено, что между ними можно обнаружить более тонкие различия. Подчеркнем, что отношение

включения при топологическом подходе оказывается не семантическим (как если бы мы говорили, что все, о чем что-либо можно утверждать, должно существовать, и, следовательно, сущее является самым общим субъектом утверждения), а синтаксическим: дело не в том, что всякое утверждение относится к некоторому сущему, а в том, что для любого субъекта утверждения А можно построить имеющее смысл (истинное или ложное) выражение вида А есть. Аналогичным образом, дело не в том, что всему, о чем что-то утверждается, присуща особая природа «этовости» (haeccitas), а в том, что это может использоваться в паре с любым вечным словом и даже собственным именем, например, *это Сократ, это человек*. Впрочем, если угодно, можно говорить и об «этовости», лишь бы это не заслоняло проблему того – проблему illatitas [\(9\)](#).

7. заключение

Локальность блага не позволяет говорить о хорошем *sub species aeternitatis*: это хорошо, а то нехорошо. Говоря таким образом можно высказать ряд истин, которые, однако, будут только высказываниями о благе, но сами по себе не будут хорошими. Практическое применение таких истин будет всякий раз составлять проблему и требовать хорошего или плохого как действительного события. Требование локальности блага означает: слова о благе, которые сами были бы хорошими, должны не ограничиваться обращением ко мне здесь и теперь, а должны принять во внимание тебя, ее, его, там и тогда. Благо ситуативно именно в этом смысле – не обращение ко мне здесь и теперь, а адекватность ситуации в целом, не только ближайшее я, это, здесь и теперь, но и ближняя ты, близкие вы, более далекие она, он, то, там и тогда: **степень** близости становится в этом случае решающей как в случае родственных отношений. Отсюда следует, что правовые нормы,

обязательные для каждого всегда и везде (для меня здесь и теперь) не должны содержать ссылок на благо. С другой стороны, установление новых законов, а также судебная практика применения законов, наоборот, предполагают аргументацию с использованием понятия блага: закон или судебное решение могут быть плохими даже если они не содержат никакой лжи.

(1) Следуя распространившемуся вслед за Хайдеггером обычаю писать в философских текстах слова по слогам через дефис, можно было бы здесь говорить об "онто-логическом" подходе. Чисто (формально-) логический подход отличается от онтологического только тем, что исключительный статус категории бытия в логике не обосновывается, а догматически принимается. Впрочем, это не вполне справедливо по отношению к современной логике, которая во многом, может быть благодаря оторванности от своих онтологических корней, отходит от предпосылки о фундаментальном статусе бытия. Что, разумеется, не отменяет, а наоборот, обостряет проблему поиска новых оснований.

(2) Более тонкую классификацию утверждений, основанную на количественном соотношении в них моментальных и вечных слов см. А. Родин «Событие и среда» // Событие и смысл, Москва, 1999.

(3) Возникает вопрос: не следует ли сузить понятие утверждения так, чтобы считать A утверждением только если оно может быть переформулировано в виде *я утверждаю, что A* , но не *я отрицаю, что A , я сомневаюсь, что A* и т.д. Возможно два пути решения этого вопроса. Можно пытаться свести все указанные пропозициональные установки к установке утверждения: *я утверждаю, что A* . Тогда выражения вида *я отрицаю, что A , я сомневаюсь, что A* и т.д. нужно интерпретировать как *я утверждаю, что не- A , я утверждаю, что A сомнительно* и т.д. Однако это опять путь "выявления логической формы", от которого мы отказались. Скорее в духе нашего подхода следовало бы подробно

проанализировать систему этих форм и способы их взаимодействия друг с другом. Это, однако, выходит за рамки тематики настоящей статьи. Таким образом, мы называем все подобные высказывания (более точное определение класса которых дано ниже в основном тексте) утверждениями, не предполагая при этом возможности редукции всех форм к стандартной форме *я утверждаю, что А*. То, что нас здесь интересует, это не различение пропозициональных установок, а то обстоятельство, что **любая** пропозициональная установка имеет моментальный характер.

(4) См. об этом подробнее А. Родин Теорема // Вопросы философии №6 1998 г.

(5) См. Бенвенист. Общая лингвистика.

(6) Подробнее см. А. Rodin About Homonymy of Proper Names // Proceedings of the 2-nd European Congress of Analytic Philosophy Leeds 1996

(7) Подробнее см. А. Rodin Event and Milieu // Proceedings of Twentieth World Congress of Philosophy Boston 1998

(8) О проблеме локализации и индивидуации событий, см. Donald Davidson (откуда взяты примеры с убийством Цезаря и наводнением). Проблему индивидуации событий Дэвидсон рассматривает следующим образом. Возьмем событие убийства Цезаря Брутом. Казалось бы, это событие естественнее всего интерпретировать как двуместный предикат Убийство (х,у), где х это убиенный, а у - убийца, и трактовать указанное событие как значение этого предиката для х = Цезарь и у = Брут. Однако, по Дэвидсону, этого нельзя сделать, поскольку то обстоятельство, что Брут убил Цезаря *ножом*, потребовало бы рассмотрения уже трехместного предиката, и так далее. Чтобы рассмотреть убийство Цезаря Брутом как значение этого же трехместного предиката при неопределенном третьем термине нужно было бы заранее ограничить число переменных тремя, что, согласно Дэвидсону, сделать нет никакой возможности, поскольку всегда по отношению к данному событию можно привести дополнительные характеризующие его обстоятельства. Принципиально важным в этой ситуации

оказывается то обстоятельство, что этот ряд уточнений не сходится ни к какому индивиду.

(9) Ср. тему id у Фрейда.